

Арина Дмитриева

William Partlett and Herbert Küpper. The Post-Soviet as Post-Colonial: A New Paradigm for Understanding Constitutional Dynamics in the Former Soviet Empire. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2022. 288 pp. ISBN 9781802209433.

Арина Дмитриева, Хагенский заочный университет. Адрес для переписки: FernUniversität in Hagen, KSW C116 Gebäude 9, Universitätsstrasse, 47, Hagen, 58084, Germany. aryna.dzmitryieva@fernuni-hagen.de.

«Множество конституций было написано с надеждами на лучшее будущее, которым рано или поздно не суждено было оправдаться» – этому высказыванию известного теоретика конституционализма Дитера Грима (Grimm 2016) нетрудно найти подтверждения на постсоциалистическом пространстве. Книга «Постсоветское как постколониальное: новая парадигма понимания конституционной динамики в бывшей советской империи» Уильяма Партлетта и Герберта Кюппера посвящена как раз анализу того, как происходит трансформация конституций и как в одних странах они продолжают выполнять свои задачи, а в других – нет.

В книге Партлетт и Кюппер пытаются выйти за рамки поставторитарного конституционализма и добавить к пониманию конституциональной динамики постколониальное измерение. Лейтмотив поставторитарных конституций – «никогда больше». В теории эти конституции стремятся преодолеть наследие репрессивных авторитарных режимов и выстроить такие институты власти, которые способствовали бы демократизации стран после авторитарного правления и восстановлению прав граждан, пострадавших от авторитарных режимов. Соответственно поставторитарные теории конституционализма сфокусированы на исследовании элементов государственного устройства после падения авторитарных режимов и исследуют, как в новых конституциях решаются проблемы прав человека и разделения властей. В отличие от поставторитарной теории конституционализма, постколониальный подход обращается к процессам, специфически связанным с распадом империи. Актуальность такой постановки вопроса трудно переоценить в свете событий, развернувшихся после февраля 2022 года, когда особенно очевиден стал конфликт между бывшей метрополией и бывшими советскими республиками.

Анализ Партлетта и Кюппера фокусируется на самых первых этапах создания конституций в постсоветском мире. Авторы используют именно термин «постсоветский» (а не «постсоциалистический») и вводят свою классификацию советской империи, разделяя ее на внешнюю (страны социалистического лагеря Восточной Европы, Монголия, а также балтийские страны) и внутреннюю – республики Советского Союза (соответственно за вычетом Литвы, Латвии и Эстонии).

Партлетт и Кюппер предпринимают попытку посмотреть за пределы проблем, унаследованных от авторитарных режимов, и обращаются к тем элементам конституций, которые так или иначе связаны с построением национальных идентичностей и выстраиванием отношения новых государств с бывшим колониальным

центром. То есть постколониальный конституционализм сфокусирован на процессе создания конституций после распада империи (с. VI).

В книге обсуждаются три типа конституционной динамики после распада империи: случай России и становление постимперской авторитарной конституции, случай внутренней империи, где значительная часть государств пошла по авторитарному пути правления, и случай внешней империи, где большинству стран удается оставаться в рамках демократического правления с некоторыми (как в случае Венгрии) откатами.

В первой главе, где читатель ожидал бы увидеть изложение теоретических основ исследования и выдвигаемых авторами гипотез, заданы только контуры будущих построений. Здесь авторы не анализируют теорию поставторитарного конституционализма, от которой пытаются «отстроиться», не приводят альтернативных гипотез конституциональной динамики, например, как теории правовых трансплантов (Ajani 1995), и оставляют в стороне исследования правовой культуры (Nelken and Feest 2001). Очевидно, что конституции не пишутся в вакууме, они опираются не только на интеллектуальные ресурсы той команды, что вовлечена в процесс написания (как можно предположить, исходя из прочитанного, это в основном историки и политики), но и на международный опыт, собственную правовую и политическую историю. Если эти моменты и появляются в книге, то лишь имплицитно и не систематически.

Постколониализм авторы определяют как «конец колониального господства одного политического образования над территорией с другой политической идентичностью» (с. 7). Складывается он, по их мнению, из двух этапов: отказ от имперского господства и создание собственной государственности бывшей колонией. В книге исследуется второй этап постколониального процесса, проходящий в рамках международной системы, основанной на предпочтении национальных государств с их претензией на целостность и суверенитет и с предпосылкой, что суверенитет исходит от народа (с. 8). В момент выстраивания собственной государственности правительствам надо решить две задачи: создать необходимые государственные структуры и создать собственную «идентичность». Цель этой работы – «отстроиться» от колониальной власти и установить механизмы доминирования в новом государстве.

Партлетт и Кюппер рассматривают четыре ключевые задачи, которые приходилось решать и колониям, и бывшей империи (России): гарантии внешнего суверенитета, обеспечение внутреннего суверенитета, выстраивание институтов власти (государственное строительство) и нациестроительство. Страны внешней и внутренней империи в решении этих задач сталкивались с кардинально разными вызовами. Страны внешней империи и до распада социалистического лагеря обладали полным набором государственных институтов и легальным статусом на международной арене (международной личностью). Странам внутренней империи, как это обычно случается при распаде колоний, пришлось поспешно создавать основные институты государственной власти – министерства иностранных дел, дипломатические представительства, национальные банки. При этом они унаследовали от распавшейся империи довольно мощные структуры исполни-

тельной власти, обладавшие компетенцией реализовывать решения центрального правительства. После прекращения доминирования Коммунистической партии эти аппараты – слабые законодательно, но имевшие большие исполнительные полномочия – стали основой бюрократических систем новых стран.

Вторая часть книги обсуждает процессы конституционного строительства в отдельных постсоветских странах. Основная идея главы, посвященной России, состоит в том, что в российском конституционализме на первых этапах соперничали два дискурса: дискурс «вовлеченности», который отражал желание сотрудничать с западным миром и международной правовой системой, и дискурс «исключительности», подчеркивающий национальные интересы и сентиментально укорененный в царской эпохе. Со временем дискурс «исключительности» одержал верх. Этот дискурс в итоге вызвал сопротивление международному праву и враждебность к остальному миру. К этому добавилась потребность в сильном лидере для поддержания статуса России как одной из великих держав. По мнению авторов, неоимперский дискурс в России обеспечил принятие конституционных положений, которые сосредоточили огромную власть в кабинете президента и ослабили региональные правительства (с. 37). Авторы прослеживают, как на протяжении 1993–2020 годов происходила рецентрализация власти и усиление риторики исключительности России. В конечном счете это нашло отражение во множестве поправок к Конституции России, принятых в 2020 году. Получившуюся в результате конструкцию власти в России Партлетт и Кюппер называют «монархическим президентством» (*crownpresidentialism*) (с. 51). Понятие «монархическое президентство» как специфическую модель авторитарного правления Партлетт развивает в отдельной статье (Partlett 2022). В этой модели харизматичный лидер путем ряда изменений конституции легитимизирует свою исключительную власть. После принятия в 2020 году конституционных поправок российский президент оказался наделен широкими, похожими на королевские полномочиями по «копейке» над всей государственной системой (с. 52). Авторы заключают, что шаги по централизации власти, обоснованные необходимостью сохранения своей роли в мировой истории (с. 54), привели в итоге к созданию в России нового имперского государства.

Третья и четвертая главы посвящены конституционной динамике стран внутренней империи. В третьей главе авторы анализируют, как государства внутренней империи при создании конституций выбирали форму, в которой будут представлены их колониально-имперские отношения. Некоторые предпочли отчетливый отказ от колониального прошлого, другие пытались проследить связь с государственностью доколониальных времен, но в большинстве конституций бывших советских республик отношение к колониальному прошлому никак не высказано. Авторы показывают, что для стран внутренней империи в период создания конституций важнее было подчеркнуть свою международную личность и приверженность нормам международного права. В каком-то смысле международное право помогало решать две задачи. Во-первых, оно включало гарантии прав человека, находящиеся за пределами внутренней правовой системы. Поиск гарантий прав человека за пределами своего государства в целом характерен для поставлоритарных конституций. Важнее то, что международное право обеспечивает эле-

мент защиты от внешнего вмешательства, так как оно основано на равном формальном суверенитете всех государств и запрещает использование агрессии, силы и принуждения в международных отношениях (с. 66). На момент написания этой рецензии уже очевидно, что такие защиты вовсе не гарантируют реального ограничения использования силы и защиты новых государств от колонизации.

Если в области защиты прав человека и внешнего и внутреннего суверенитета конституции новых стран опирались на международное право, то формирование государственных систем в большинстве этих стран оказалось аналогичным системе, сложившейся в бывшей империи. Как и в России, здесь сложились преимущественно сильные централизованные формы «монархического президентства». Исключениями являются только Украина, Молдова, Грузия и – в некоторой степени – Армения. Бывшие колонии таким образом продолжали или имитировали структуры власти, унаследованные от колониального центра, но адаптировали их к своим потребностям (с. 78). Партлетт и Кюппер связывают это с тем, что распад империи имел в большей степени переговорную, а не революционную природу, а потому не создал в этих странах условий, при которых структуры власти были бы полностью реформированы и очищены от старой элиты (с. 82). Кроме того, формирование суперпрезидентства в этих странах оправдывалось необходимостью строительства сильного государства.

В четвертой главе авторы развивают теорию «монархического президентства» и более подробно анализируют три примера разной конституционной динамики: в Беларуси, где постколониальный проект не удался и сложилось авторитарное правление; в Узбекистане, где авторитаризм укрепился через процесс деколонизации, и в Кыргызстане, где конституционный процесс был наиболее динамичным, но в итоге вернулся к авторитарной форме.

В третьей части обсуждается конституционный процесс в странах внешней империи. Основное отличие стран внешней империи (которые, по версии авторов, включают, помимо стран социалистического лагеря, три балтийские республики) в том, что эти страны и до попадания в орбиту советского влияния обладали международной личностью и имели конституции. В целом постколониальная повестка в новых конституциях стран внешней империи выражена не так сильно, как поставторитарная. Прежде всего конституции этих стран определяют порядок реорганизации государства, экономики и общества. Партлетт и Кюппер объясняют «конституционное молчание о колониальном прошлом» (с. 117) преемственностью элит, которые сами не были заинтересованы в изучении отношений с имперским центром в то время, пока находились у власти. Постколониальные элементы ярче выражены в тех конституциях, которые принимались уже в 2000-е годы, а не непосредственно после обретения этими странами полной независимости. Как предполагают авторы, это молчание о прошлом создало почву для популизма и движения в сторону авторитаризма в последние годы. В качестве предмета для case study в последней главе авторы подробно анализируют венгерскую конституцию 2011 года. Они утверждают, что стратегическое использование постколониальных аргументов спустя 22 года после окончания советского господства сыграло здесь решающую роль в формировании авторитарного популизма (с. 233).

В целом книга оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, в ней действительно предпринята попытка предложить новый взгляд на конституционный процесс в постсоциалистических странах. Однако делая такое амбициозное заявление, авторы не помещают свое исследование в необходимый контекст, не принимают во внимание уже существующую литературу, посвященную постколониальному осмыслению политических и социальных процессов на постсоветском (в широком смысле) пространстве (Morozov 2015). При попытке рассмотреть сразу несколько конституций некоторая поверхностность неизбежна: временные рамки исследования, объем небольшой по сути книги, ограничения, связанные с языком, не позволяют авторам глубоко погрузиться в материал. Не совсем понятно также, закрепится ли в литературе термин «монархическое президентство», – кажется, что суть этого понятия уже неплохо передает термин «суперпрезидентский режим», а монархические коннотации в предложенном термине возвышают и легитимируют тип режимов, сложившийся в тяготеющей к империализму России, а также в таких разных по экономическим, демографическим и социальным условиям странах, как Беларусь, Кыргызстан и Узбекистан.

Как отмечает Мадина Тлостанова, постколониальный дискурс тяготеет к описательности и тем самым воспроизводит колониальность в области знания, то есть глобальную систему производства, легитимации и распространения знания, существующую много веков и ограничивающуюся переводом проблемных понятий на язык, понятный Западу (2015). В этом смысле книга Партлетта и Кюббнера – характерное постколониальное исследование, цель которого – представить западному читателю постсоветские конституции, задав для этого определенную теоретическую рамку. С этой задачей книга справляется в полной мере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тлостанова, Мадина. 2015. «Колониальность переживет колониализм». Теории и практики, 15 октября. <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote>.
- Ajani, Gianmaria. 1995. "By Chance and Prestige: Legal Transplants in Russia and Eastern Europe." *American Journal of Comparative Law* 43(1):93–117. <https://doi.org/10.2307/840578>.
- Grimm, Dieter. 2016. *Constitutionalism: Past, Present, and Future*. Oxford: Oxford University Press.
- Morozov, Viatcheslav. 2015. *Russia's Postcolonial Identity: A Subaltern Empire in a Eurocentric World*. London: Palgrave Macmillan.
- Nelken, David, and Johannes Feest, eds. 2001. *Adapting Legal Cultures*. Portland, OR: Hart Publishing.
- Partlett, William. 2022. "Crown-Presidentialism." *International Journal of Constitutional Law* 20(1):204–236. <https://doi.org/10.1093/icon/moac006>.